

АННА ЖУЧКОВА

МЕТАМОДЕРНИЗМ: ПРИЗНАТЬ ПРАВО “ДРУГОГО”... БЫТЬ

Интервью с критиком, литературоведом, редактором журнала “Вопросы литературы”, заведующим отделом критики портала “Текстура”, доцентом кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов Анной Жучковой. Беседовал Андрей Тимофеев.

А. Т.: Анна, недавно состоялось Всероссийское совещание молодых литераторов Союза писателей России “в Химках”, в рамках которого вы выступили на критическом симпозиуме с лекцией о метамодернизме. Эта лекция вызвала большое количество живых откликов, в том числе в социальных сетях. Можете рассказать нам в общих чертах, что такое метамодернизм?

А. Ж.: “Постмодернизм умер, мы должны это признать”, – сказала в 2002 году теоретик постмодернизма Линда Хатчеон в эпилоге ко второму изданию своей книги “Политика постмодернизма”. И что же происходит в литературе последние двадцать лет?

Всё это время на Западе идёт поиск новых терминов и, главное, новых способов описания и понимания культурной и литературной ситуации. У нас литературная элита до сих пытается делать вид, что постмодернизм здравствует. Всё проповедуют: у нас нет иерархии, нет канонов, нет этики, нет вертикали, есть только горизонталь и литературные “пузыри”, которые никак не взаимодействуют между собой. Илья Кукулин в 2020 году пишет: “Современная литература беспрерывно деконструирует мнимое единство индивидуальности <...> личность – культурный конструкт”. Ребята, эта риторика давно устарела. Сегодня литература занимается не деконструкцией, а реконструкцией. Реконструкция – один из принципов метамодернизма.

Западные исследователи уверены, что метамодернизм начался в нулевые годы. У нас примерно в то же время Липовецкий и Лейдерман предлагали термин постреализм, а М. Эптшейн – протореализм. Но первый термин был слишком общим. А протореализм констатировал начало нового культурно-цивилизационного витка, но не давал чёткого описания ситуации и перспектив её развития. Метареализм, предложенный голландцами Робинотом Ван дер Аккером и Тимотеусом Вермюленом, в этом плане интереснее. Вермюлен и Аккер возводят частицу “мета” к платоновскому понятию “метаксис” – состояние между, после и сверху. Метамодернизм соединяет модернизм и постмодернизм и в целом может быть представлен как принцип динамического колебания между противоположностями. И в принципе как новое понимание

действительности, потому что войны и всякие прочие неурядицы зачастую вызваны именно тем, что люди не видят мир целостным, как единство противоположностей. Им больше по нраву делить его на наших и ваших, красных и белых, ватников и либералов, прививочников и антипрививочников, где каждый стремится отстоять свою правоту. А метамодернизм предлагает уважать позицию каждого.

В первой половине XX века модернизм отменил понятие общезначимой истины. Постмодерн ситуацию отсутствия истины довел до трагического абсурда, до полного несовпадения человека с собой и миром. Если истина Другого отменяет мою, значит, истины нет вообще, учил постмодерн. Но метамодернизм решает эту проблему. Не отрицая вариативность и субъективность истины, он возвращает каждому полноту обладания ею. Сколько “я”, столько и истин. Нет, мы не будем, как в “Сне о моровой язве” Достоевского, убивать друг друга, доказывая, что только моя правда верна. Противоположную позицию мы тоже признаем верной. Мы должны двигаться вперед и колебаться, пишет в 2011 году в Манифесте метамодернизма Люк Тёрнер. Метамодернизм обращён к человеку, он воскрешает глубину аффекта и измерение человечности. Он верит в возможность больших нарративов и универсальных концепций бытия. Вместе с тем метамодернизм не отрицает того, что привнёс в нашу культуру и сознание постмодерн: постиронию, постправду, систему различных контекстов, наличие разных дискурсов и проч.

У каждого художественного направления – свой стиль. На данный момент западные исследователи считают, что стиль метамодернизма – автофикшн.

Где можно об этом почитать? В русскоязычном виртуальном пространстве есть замечательный сайт – “Метамодернизм”, – там собраны все основные тексты по этой теме: и наши, и зарубежные.

Последняя по времени вышедшая у нас книга о метамодернизме (2019; 2017) – “Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма”. В ней собраны теории разных современных исследователей, согласившихся примкнуть к этому направлению. К примеру, трогательная и романтическая теория космического ремесленничества Сьёрд ван Туинена, осмысливающего феномен популярности handmade как возвращение человека к практикам познания реальности через материал и вещество. Только так, говорит Туинен, мы сможем постичь Вселенную: не как Авторы, а как космические ремесленники.

Западные учёные часто говорят о том, что метамодерн предполагает возвращение к большим нарративам, но признают, что на Западе этих нарративов пока нет. Получается, что на данном этапе русская литература опережает западную, так как у нас они уже есть. Так уж исторически сложилось: мы то отстаём от Запада, разбираясь в своих внутренних делах, то вдруг начинаем догонять и внезапно – перегонять. Поэтому сегодня уж точно не стоит пытаться копировать западные тренды. Копирование – это всегда отставание. А создавать своё можно тогда, когда есть преемственность культурного развития. Поэтому в том числе важен метамодернизм, позволяющий её восстанавливать.

А. Т.: А что происходит сейчас в России? Почему ты считаешь, что мы “перегоняем” западную литературу?

А. Ж.: Я могу выделить несколько метамодернистских процессов в современной литературе, причём по метамодернистскому принципу динамического единства противоположностей, попарно.

Первая такая противоположность: **неомодернизм и реализм**. О неомодернизме у нас заговорили ещё с середины десятых годов. Сейчас его представляют Дмитрий Данилов, Алла Горбунова (с заходом в неоромантизм), Александра Николаенко, Кирилл Рябов. С термином “реализм” сложнее, потому что то, что мы считали реализмом XIX века, было на самом деле литературоведческим конструктом. Искусства, объективно и достоверно отражающего реальность, у нас, конечно, не было: каждый писатель видел мир по-своему и описывал его в соответствии со своим психотипом. Если даже Бальзак и называл себя секретарём французского общества, то описывал он всё равно его необъективно. В “Человеческой комедии”, как подсчитали исследователи творчества Бальзака в Сорбонне, аристократов около 425 человек,

буржуазии – 1225 (из них 788 относятся к крупной и средней), домашних слуг – 72, крестьян – 13, мелких ремесленников – 75. Если это реальный портрет французского общества того времени, то как они жили?

В западном литературоведении считается, что в XIX веке был сначала романтизм, а потом натурализм. Белинский тоже говорил о натурализме. И у него не было жёсткой концепции объективности и исторической правоты, которую нам навязало советское литературоведение, взявшее за основу утилитарную критику Писарева, Чернышевского, Добролюбова и вычеркнувшее органическую и эстетическую критику, понимавшую реализм несколько иначе. Ап. Григорьев, Анненков, Дружинин, Соловьёв говорили о личности человека, о духе народа (вслед за Белинским), о гармоничной и функциональной связи этики и эстетики. Это продолжили формалисты. А утилитарные критики говорили о том, что произведение должно менять социум, и мы до сих пор не вышли из этой парадигмы. Должно менять, да. Но этого мало. И это не работает напрямую.

В 90-е годы XX века у нас был “новый реализм”, который одной из своих задач видел возвращение к реализму XIX века, но как вернуться к тому, чего не было?

Зато сегодня реализм вбирает и постмодернистскую иронию, и модернистскую мерцающую лиричность, и фантастические допущения, и приёмы жанровой литературы. Сегодня он допускает не только точку зрения автора-демиурга, оцеляющего мир художественного произведения, но и – на равных – иные, быть может, противоположные точки зрения героев. И поэтому сегодня можно говорить о реализме в его ином (и, получается, изначальном) статусе.

А. Т.: Задам несколько провокационный вопрос, чтобы перевести разговор на конкретных авторов и их произведения. А кого в современном литературном процессе ты считаешь наиболее крупными фигурами?

А. Ж.: В реализме – да и вообще в современной прозе – очень хорош Роман Сенчин. Пройдя через “новый реализм” и автофикшн, Сенчин перешёл к чему-то иному. В рассказе “Шанс” сюжет строится на фантастическом допущении – портал в прошлое под рефрижератором в подсобке. Пронзительно лиричен рассказ “А папа?”. Появилось многоголосие персонажей и очевидная авторская ирония. Автор и герой, кстати, и в ранней прозе Сенчина не были слиты: автор всегда наблюдал за Сенчиным-человеком. А теперь у него настоящий метамодернистский реализм. К которому могу отнести недавний замечательный рассказ Евгении Некрасовой “Квартирай” и последний роман Анны Козловой “Рюрик”. В “Рюрике” очень интересная работа с текстом: роман пускает читателя ровно на ту глубину, на которую сам читатель способен. Козлова отлично работает с современным художественным языком: здесь и новый разговорно-письменный функциональный стиль, который появился у нас благодаря общению в соцсетях, и сценарные техники, и отвага говорить по-женски, без оглядки на мужское представление о правильной, бывшее до недавнего времени нашей единственной литературной нормой.

Кстати, осознание разницы между **феминным и маскулиным способом говорения**, выявление маркеров того и другого – тоже один из метамодернистских процессов современной литературы: осознание противоречий как противоречий, а потом как нового единства.

Третья метамодернистская пара-оппозиция в нашей литературе – это **автофикшн и мифопроза**.

Родоначальником русского автофикшна был Лимонов. И, по сути, представители “нового реализма” нулевых стали как раз последователями Лимонова. “Новый реализм”, как мы его знали, был явлением скорее тусовочным, а вот художественный метод, который использовали его представители, являлся именно автопсихологической прозой. Тем, что стало называться позднее “автофикшн”. Вот как “новый реализм” был официально “закрыт” в 2017 году журналом “Вопросы литературы” и статьёй Андрея Тимофеева “Победы и поражения “нового реализма”, так термин автофикшн и стал стремительно набирать популярность.

Автофикшн – это о глубине аффекта, о правде внутреннего “я”. Всё это очень важно для метамодернизма. Но он же говорит всегда и о другом полюсе, о противоположности. Значит, если есть “я”, должно быть и “мы”. Глубине

аффекта в метамодернизме противостоит большой нарратив и поиск универсальных концепций объяснения бытия.

Это то, что западная литература сегодня найти не может. А наша ужешла. Большой нарратив и универсальные концепции бытия – это наша мифопроза.

Мифопроза ориентирована на системное взаимодействие человека с миром, которое было свойственно нашим предкам в дохристианскую эпоху. Наше славянское язычество отлично согласовывалось с современным пониманием мира как системного взаимодействия разных сил и явлений: человек был включён в систему сложных отношений с разными силами природы, социума и мироздания (например, общение с загробным миром).

Мы живём сегодня в конце старого и начале новой зоны, но при этом новое, которое грядёт, будет актуализировать хорошо забытое старое. Интересным образом соединяются языческие и современные научные представления. Грегори Бейтсон в книге “Steps to an Ecology of Mind” пишет: “С одной стороны, мы имеем системную природу отдельного человека вместе с системной природой культуры, в которой он живёт, и системную же природу биологического окружения <...> А с другой стороны, странное извращение в природе человека. Целенаправленное сознание выхватывает из целостной психики звенья, не имеющие структурной петли обратной связи, характерной для целостных системных структур <...> Если вы поддаётесь диктату “здорового смысла” сознания, то в результате становитесь жадными и недостаточно мудрыми. <...> Потеря системной мудрости всегда наказуема. Системы наказывают любой вид, достаточно неразумный, чтобы рассориться со своей экологией. Если вам угодно, называйте системные силы “Богом”.

В современной отечественной мифопрозе я выделяю таких писателей, как Ирина Богатырёва, Дарья Бобылёва, Алексей Иванов, Александр Бушковский, Александр Григоренко, Денис Осокин, Андрей Рубанов, Евгения Некрасова и др.

А. Т.: В начале нашего разговора ты сказала, что литература разделена на “пузыри”, а метамодернизм может эту ситуацию преодолеть. Как тебе кажется, что нас ждёт дальше?

А. Ж.: То, что тенденция к преодолению обособленности и дискретности в литературе намечается, говорит хотя бы наш разговор. Ты представитель журнала “Наш современник” и говоришь со мной о самых актуальных тенденциях современной прозы. И даже поддерживаешь метамодернистскую идею объединения противоположностей. Я считаю, что нужно общаться всем со всеми: только живой разговор, только признание разных тенденций могут оживить литературный процесс.

В современной литературе идут разнонаправленные процессы, которые взаимно дополняют друг друга. Я сказала об автофикшн и мифопрозе, неомодернизме и реализме, женском и мужском говорении. Ещё одна важная дихотомия: высокая литература и массовая. Высокая проза сегодня обогащается приёмами массовой литературы, и появляются произведения “на стыке” того и другого, как, например, недавний победитель “Нацбеста” “Покров-17” Александра Пелевина, книги двукратного лонглиста и шортлиста “Нацбеста” Марии Лабуч. Назову только два имени, но на самом деле так называемая “новая массовая проза” объединяет сегодня много писателей. Кстати, Гузель Яхина и Евгений Водолазкин – это тоже массовая, формульная литература, но под видом высокой. Поэтому у них и столько читателей-обожателей: приятно читать развлекательную литературу и думать, что читаешь серьёзную.

А. Т.: Мы говорим о том, что нужно объединяться в общие дискурсы. Но ведь те люди, которые не хотят не только разговаривать, но и даже видеть друг друга, делают это не просто так. Их разделяют определённые исторические и политические события, иногда даже кровь. Как с этим быть?

А. Ж.: Для меня писатели, которые целиком уходят в политику, перестают быть настоящими писателями. Русская литература всегда выходила на уровень духовного осмысления реальности, откуда и к социальным процессам начинаешь относиться иначе. Я не говорю, что не нужно уделять внимание социальным процессам, я просто предлагаю не делать их единственным смыслом жизни.

А. Т.: Современное общество в принципе раздробленное. Например, сейчас встаёт вопрос, как относиться к вакцинации, допустима ли обязательная вакцинация или нет? Как метамодернист относится к этой ситуации?

А. Ж.: О, ну, это как раз про бинарные оппозиции, про диктатуру чёрного или белого, наших или ваших, от чего метамодернизм предлагает уходить. Те, кто кричат о толерантности и равенстве прав, на самом деле подразумевают тиранию меньшинства. “Новую этику” не волнует признание прав “другого”, “новую этику” волнует власть. В радикальном своём воплощении феминистки и ЛГБТ, прививочники и антипрививочники, либералы и сталинисты не слышат никого, не уважают ничьего мнения, а хотят только власти. Метамодернизм говорит иначе: мы признаём право “другого” на истину и слышим всех. Колеблясь между противоположностями, понимая и постепенно, может, в чём-то и принимая точку зрения другого, мы движемся вперёд.